

Д.И. Петин*

**БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1920-Е ГОДЫ:
ПРИМЕР ТАРЫ И ТАРСКОГО УЕЗДА (ОКРУГА)**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-4
УДК 94(47)*Выходные данные для цитирования:**Петин Д.И. Бывшие офицеры в социальном пространстве западносибирской провинции в 1920-е годы: пример Тары и Тарского уезда (округа) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 50–65. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-04.pdf>*

D.I. Petin*

**EX-OFFICERS IN THE SOCIAL SPACE
OF THE WEST SIBERIAN PROVINCE IN THE 1920S:
THE EXAMPLE OF TARA AND ITS DISTRICT**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-4

*How to cite:**Petin D.I. Ex-Officers in the Social Space of the West Siberian Province in the 1920s: The Example of Tara and its District // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 50–65. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-04.pdf>]*

Abstract. In the current quarter of a century, domestic scientists in their works have increasingly begun to turn to understanding, using the example of social history, the various military-political consequences of the Revolution and Civil War that took place in early Soviet society. In the Siberian province in the 1920s. The key players in those social processes were often representatives of the former officers, who formed the intellectual part of society and the core of the bureaucracy due to their educational qualifications being quite good for that time. Ex-officers in the USSR, despite being in demand and sometimes irreplaceable in the profession, continued to remain an “alien element”, falling (regardless of their ideological views) under oppression for political reasons. The article reconstructs the collective social portrait of those who lived in the Tara Irtysh region in the 1920s from the methodological position of military anthropological knowledge based on typical characteristics ex-officers. The study is based on a complex of unpublished sources from the funds of the Historical Archive of the Omsk Region and its branch in the city of Tara. Based on the results of the study, it is concluded that in the 1920s. The average Tara combatant from among the white officers is a native of other territories with peasant roots and primary education, a middle-aged employee, who previously held the rank of no higher than lieutenant (received during the First World War), and often had wounds and front-line awards. The article is addressed to a wide range of specialists studying the early Soviet society, including the practices of social adaptation of “former people” (the situation of former participants in the white movement), the organization of intellectual work (using the example of provincial Soviet institutions), the problem of small towns in Siberia, as well as the Siberian local history.

Keywords: social history, small towns, historical anthropology, Civil War, officers, former people, Soviet society.

The article has been received by the editor on 11.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В текущую четверть века отечественные ученые в своих трудах все чаще стали обращаться к осмыслению на примере социальной истории разнообразных военно-политических последствий революции и Гражданской войны, имевших место в раннем советском обществе. В сибирской провинции в 1920-е гг. ключевыми

* **Дмитрий Игоревич Петин**, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, Омск, Россия, e-mail: dimario86@rambler.ru

Dmitry Igorevich Petin, Candidate of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: dimario86@rambler.ru

фигурантами тех общественных процессов часто становились представители бывшего офицерства, составлявшие интеллектуальную часть социума и стержень бюрократии в силу достаточно неплохого для того времени образовательного ценза. Бывшие офицеры в СССР, невзирая на востребованность и подчас незаменимость в профессии, продолжали оставаться «чуждым элементом», попадая (независимо от своих идеологических воззрений) под притеснение по политическим мотивам. В статье с методологических позиций военно-антропологического знания на основе типовых характеристик реконструируется коллективный социальный портрет живших в Тарском Прииртышье в 1920-е гг. бывших офицеров. В основу исследования положен комплекс неопубликованных источников из фондов Исторического архива Омской области и его филиала в городе Таре. По итогам исследования делается вывод о том, что в 1920-е гг. среднестатистический тарский комбатант из числа белых офицеров – это уроженец иных территорий с крестьянскими корнями и начальным образованием, служащий средних лет, состоявший ранее в чине не выше поручика (полученном в годы Первой мировой войны), нередко имевший ранения и фронтовые награды. Статья адресована широкому кругу специалистов, изучающих ранний советский социум, в том числе практики социальной адаптации «бывших людей» (положение экс-участников белого движения), организацию интеллектуального труда (на примере провинциальных советских учреждений), проблему малых городов в Сибири, а также сибирское краеведение.

Ключевые слова: социальная история, малые города, историческая антропология, Гражданская война, офицерство, бывшие люди, советское общество.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024 г.

Постановка проблемы. В число самоценных проблем современной российской историографии входит социальная история и повседневность малых городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. с акцентом на дореволюционном периоде¹. События активной фазы противостояния Гражданской войны, последовавшие на востоке России с лета 1918 г., подчас значительно меняли социальный уклад городской жизни². Логично, что окончание братоубийственного противостояния также внесло перемены в характеристики населения городов Сибири.

Восток страны в целом стал своего рода самым мощным в территориальном смысле плацдармом, где в период Гражданской войны развернулась наиболее масштабная альтернатива политического развития по отношению к большевистской России. Пик апогея антибольшевизма как идеологии неразрывно связан с пребыванием на посту верховного правителя А.В. Колчака. Здешние события, на первый взгляд локального характера, иногда могли по итогу обретать всероссийское значение³. Белая государственность с центром в Омске сформировала достаточно сильную армию. Ее общая численность, варьируемая в разных источниках, но, по максимальной оценке, приводимой А.П. Будбергом по данным Ставки Верховного главнокомандующего на май 1919 г., достигала 800 000 чел.⁴ По подсчетам

¹ См., напр.: Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск, 2014; Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начала XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск, 2017; Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008; Кискидосова Т.А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск, 2023.

² См., напр.: Гребенкин А.Н. Освещение жизни Тюмени в годы Гражданской войны в мемуарах педагога и библиотекаря Н.Н. Полянской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18–19 октября 2023 г.). Омск, 2023. С. 59–65.

³ Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

⁴ Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск; М., 2001. С. 55.

Е.В. Волкова количество офицеров в строю колчаковской армии на фронте на июль 1919 г. составляло около 30 000 чел.⁵

Поражение антибольшевистских сил в Гражданской войне привело к тому, что часть бывших белогвардейцев покинула рубежи родины в 1920–1922 гг. организованно и самостоятельно. Заметное число белых комбатантов востока России ушло в Китай: по условным совокупным оценкам С.В. Смирнова – не менее 50 000 чел.⁶

Но гораздо большее количество этих людей осталось в РСФСР. Сдавшись на милость победителей, экс-белогвардейцы начали встраивание в революционное общество, нередко возвращаясь в уже так или иначе знакомые места, где им ранее довелось родиться, учиться, работать или служить. В значительном количестве плененные офицеры и военные чиновники колчаковской армии оседали в советской Сибири, пополняя ряды «бывших людей» – особую категорию советского социума, включавшую в себя представителей некогда привилегированных слоев дореволюционного общества⁷. Ситуацию подтверждает обращение к социальной истории через осмысление коллективного портрета представителей данной категории населения. Согласимся, наработки историографии здесь пока правомочно охарактеризовать как находящиеся в начальной стадии. Но известные примеры, связанные с населением Омска 1920-х гг., достаточно наглядны⁸. Учитывая численность горожан в 1926 г. 158 000 чел., позволительно утверждать, что тогда условно каждый 150-й житель Омска служил в царской и (или) белой армии в качестве генерала, офицера, военного чиновника или юнкера⁹. Здесь поясним: массово употребляемый тогда в советском делопроизводстве социальный маркер «бывший (белый) офицер» включал в себя все перечисленные армейские категории, подразумевавшие выполнение командно-административного служебного функционала¹⁰. Ситуация в регионе, связанная с обилием среди населения «исторической контрреволюции», привела к тому, что в оперативных мероприятиях местных чекистов работа в отношении бывших офицеров оформилась отдельным направлением деятельности¹¹.

В недавнем интервью один из ведущих российских академических специалистов по Гражданской войне Р.Г. Гагкуев указал на важность взвешенного осмысления феномена российского офицерства в военно-революционную эпоху¹². Отсюда видится актуальным дальнейшее изучение бытования указанной категории комбатантов в советском обществе, в чьих судьбах, как подтверждают наработки, события братоубийственного противостояния сыграли определяющую и подчас драматическую роль. Эти годы стали и временем резко возросшей социальной мобильности населения, что обрело глубинные последствия для

⁵ Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 51.

⁶ См. подробнее: Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М., 2019.

⁷ См. подробнее: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М., 2003.

⁸ Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392; Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

⁹ Подсчет по: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. М., 2007. С. 64; Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1130.

¹⁰ Алексева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: ««Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–48.

¹¹ См. подробнее: Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуляряна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

¹² См. подробнее: Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.

страны¹³. В обращении к характеристикам общественного облика данной категории комбатантов и осмыслении их места в СССР видится возможность полновесной и многомерной оценки раннего советского общества и бытовании в нем части тех граждан, кого новая власть именовала «бывшими людьми».

Изучение неопубликованных источников показало, что аспект, связанный с бывшими офицерами, может представлять интерес и для расширения представлений о социальной истории малых городов Сибири. В подобном ключе обращений в историографии к этой тематике применительно к региону не было. Но попытки схожих осмыслений есть на примере Орловской губернии¹⁴.

В значительной части, обретая себя в новом обществе, бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, как люди с высоким образовательным цензом, стремились осваиваться в крупных населенных пунктах – губернских (окружных) или хотя бы уездных центрах. Среди таковых в Омском Прииртышье в 1920-е гг. выделяется Тара – центр одноименного уезда Омской губернии, а в 1925–1929 гг. – одноименного округа Сибирского края. Эту достаточно обширную территорию (урманная, лесная, лесостепная полосы) в те годы населяло порядка 240 000 чел. По этническому составу здесь преобладали «великороссы» (91 %), значительна была и доля татар (6 %). Основным видом занятий населения было сельское хозяйство с доминантой земледелия. Половину жителей уезда составляли крестьяне-середняки¹⁵. В этом смысле данная территория была типичной западносибирской глубинкой.

Все перечисленное определило цель исследования – реконструировать коллективный социальный портрет живших в Тарском Прииртышье в 1920-е гг. бывших офицеров, соотнеся анализируемые типичные социальные характеристики этих людей с наработками по Омску.

Основа источниковой базы исследования – анкеты бывших офицеров белых армий, проживавших в 1920-е гг. в Таре и Тарском уезде (округе). Такие документы собственноручно заполняли экс-белогвардейцы, с 1921 г. увольняемые в массу из РККА при постановке на учет в военкоматах по месту проживания. Типовой опросник включал в себя основную информацию о биографии комбатанта, логично уделяя внимание событиям военно-революционных лет.

В Историческом архиве Омской области необходимые анкеты, датируемые 1922–1924 гг. (время массовой (пере-)регистрации бывших белогвардейцев в СССР), были вычленены из общего массива документов, насчитывающего более 1 200 таковых опросников. Искомые источники по персоналиям, связанным в указанные годы с Тарой и Тарским уездом (округом), выявлены в фондах Омского губернского военкомата (8 персоналий)¹⁶ и Тарского окружного военкомата (30 персоналий)¹⁷.

Согласимся, в отдельных случаях степень подробности сведений, сообщаемых в анкете, индивидуально отличалась. Тому могли быть разные причины, связанные с личностью комбатанта: от укрывательства конкретных эпизодов биографии по политическим мотивам до банального нежелания вспоминать тяжелые моменты судьбы. Но в целом избранный источник дает содержательный пласт сведений, что ранее подтвердил опыт изучения темы применительно к Омску. Как и в том случае, в силу разных причин не на всех проживавших в Тарском уезде (округе) бывших офицеров и армейских чиновников сохрани-

¹³ Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 92–93.

¹⁴ Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3, ч. 1. С. 57–65; Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.

¹⁵ Филиал Исторического архива Омской области в городе Таре (ТФ ГИАОО). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 700. Л. 3.

¹⁶ Исторический архив Омской области. Ф. Р-217. Оп. 2. Д. 255, 440; Д. 938Г. Л. 4–11; Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 639; Д. 32. Л. 183–184 об.; Д. 36. Л. 70–71 об.; Д. 33. Л. 46–48 об.; Д. 43. Л. 136–137 об.

¹⁷ ТФ ГИАОО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–60; Д. 95. Л. 123–132.

лись заполненные ими анкеты. Судя по дошедшим опросникам, в Таре и Тарском уезде (округе) в первой половине 1920-х гг. проживали: 1 полковник, 1 капитан, 1 зауряд-капитан, 6 поручиков, 5 подпоручиков, 9 прапорщиков, 3 юнкера, 1 зауряд-прапорщик, 11 чиновников военного времени. Реальное количество этих людей на обозначенной территории колебалось и было больше заявляемого.

Есть отрывочные сведения о службе и проживании здесь, как минимум в 1921–1924 гг., еще 9 лиц. Это О.П. Явшиц 1847 г.р.¹⁸, А.В. Бронников 1893 г.р., А.А. Аудзе 1888 г.р., В.Н. Никоноров 1888 г.р., В.П. Сенкевич 1900 г.р., Г.П. Никольский, А.Н. Тихоненко 1892 г.р.¹⁹, В.В. Коноплин-Курский 1900 г.р., С.М. Андриевский²⁰. Отсутствие должного объема данных в отношении этих комбатантов не позволяет полностью включить их в исследование, учитывая в отдельных случаях и лишь отчасти. Как видно, имело место естественное передвижение этих лиц, связанное, в том числе, с получением новых должностей, что приводило к выезду за пределы Тары и прилегающего уезда (округа). По выявленной статистике на 1 октября 1925 г. в Тарском окружном военкомате на особом учете состоял 41 бывший офицер и военный чиновник, на 1 марта 1926 г. значилось 37 таковых лиц, на 1 октября того же года – 32²¹. Отсюда можно считать репрезентативной рассматриваемую выборку анкет. Сведения в отношении персоналий, неучтенных полностью, отчасти дополнены материалами ведомственного делопроизводства, имеющимися в указанных выше архивных фондах. Важным отличием от проведенного ранее исследования по Омску стало то, что меньший объем анализируемых источников позволил выделить частности применительно к социальному портрету бывшего офицерства в советской Сибири.

Основная часть. Сведения, полученные по итогам изучения источников, для удобства восприятия сгруппированы (табл. 1–8), что позволяет вести анализ вопроса в проблемном ключе военной антропологии²². При этом за основу взяты типовые социальные характеристики, так или иначе игравшие роль в судьбах представителей офицерства как в эпоху войн и революций, так и в последующие годы.

В ходе Первой мировой войны одним из существенных изменений в Русской армии стала демократизация социального облика командно-административного состава. В силу мобилизации и чиновничества военного времени (по итогам ускоренной подготовки в военных училищах и школах прапорщиков, за боевые заслуги), исходя из кадровых потребностей, служебный статус офицера или военного чиновника в массе приобретали представители всех сословий российского общества. Тенденция потом хотя и отчасти шла на спад, но имела место в годы Гражданской войны в белых армиях. Эти тезисы подтверждает анализ документов (см. табл. 1–2). Кадровыми офицерами из группы анализируемых комбатантов были (судя по высокому чину) лишь полковники П.И. Лепко и О.П. Явшиц. Из офицеров военного времени 11 чел. окончили школы прапорщиков в Душети, Иркутске, Киеве, Омске (шестеро), Пскове, Ташкенте, Чистополе. Ускоренный курс подготовки 8 чел. прошли в военных училищах – Александровском, Алексеевском, Виленском, Владимирском, Иркутском (трое). Два офицера в условиях Первой мировой войны получили чин, пройдя в довоенный период полковые учебные команды и выдержав экзамен на чин прапорщика запаса. Причисление в командно-административный состав армии в годы Гражданской войны коснулось 8 чел. (21 %). Обращает внимание, что четверо из них были чиновниками военного времени, а трое – юнкерами. Здесь важно помнить, что назначение на должности эрзац-специалистов в силу дефицита кадров было общим явлением военно-революционной эпохи. Но представители этой категории экс-белогвардейцев выделяются в изучаемой выборке (см. табл. 2, 4).

¹⁸ ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 709. Л. 11 об.; Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.

¹⁹ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 37А. Л. 2, 20–21 об., 32 об., 39 об., 42 об., 47 об. – 49 об., 52 об. – 53 об.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 35.

²¹ ТФ ГИАОО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 95. Л. 23, 84.

²² *Сенявская Е.С.* Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

Таблица 1

Сословное происхождение бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Сословие	Крестьяне	Мещане	Чиновники	Духовенство	Почетные граждане	Всего
ИТОГО, чел.	24	9	2	2	1	38

Таблица 2

Период производства в первый чин бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Армейская служебная категория	Период присвоения первого чина			
	до 1914 г.	1914–1917 гг.	после 1917 г.	ВСЕГО
	Количество, чел.			
Штаб-офицеры	2	1	–	3
Обер-офицеры	–	19	1	20
Юнкеры	–	–	3	3
Зауряд-прапорщики	–	1	–	1
Чиновники военного времени	1	6	4	11
ИТОГО	3	26	8	38

Как и в Омске, среди бывших офицеров в Тарском уезде (округе) преобладали обер-офицеры пехоты, получившие первый чин в военное время. На фоне общей массы заметны армейские чиновники и юнкеры, также замещавшие командно-административные должности. В числе отличий можно назвать лишь единичные факты наличия в Тарском уезде (округе) бывших штаб-офицеров, отсутствие генералов и равных им по рангу военных чиновников, а также казачьих и морских офицеров.

В отношении сословного происхождения из анкетированных бывших офицеров 24 чел. (63 %) сообщили о своих крестьянских корнях, 9 – о мещанских (23,6 %). Ситуация в Омске и в Тарском уезде в этом смысле идентична. Данную социальную тенденцию в Русской армии на примере Омска проанализировал А.Ю. Саблин, изучающий подготовку офицерских кадров в Сибири период Первой мировой войны²³. Но биографическая детализация показывает, что в истинном смысле «бывшими людьми» из рассматриваемых комбатантов будет правильным считать лишь П.И. Лепко – сына надворного советника, кадрового офицера, полковника (1912), В.В. Гурина – сына почетного гражданина, банковского чиновника, зауряд-капитана (1916), И.А. Шабалина – полицейского чиновника, коллежского секретаря (1909), О.П. Явщица – дворянина, полковника.

В те годы важным условием для обретения служебного статуса офицера или военного чиновника был образовательный ценз. Наличие его, хотя бы в объеме низшего или домашнего образования, с учетом пройденной военной подготовки и опыта армейской службы давало возможность соответствующего чинопроизводства²⁴. Как видно из табл. 3, из 38 чел. начальное (низшее, домашнее) образование имели 24 бывших офицера и военных чинов-

²³ Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 130.

²⁴ См. подробнее: Курдюк А.А. «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. 2008. № 3. С. 159–168.

ника, живших в Тарском уезде (округе) в 1920-е гг. (63 %). Здесь показательно, что трое юнкеров, исполнявших в белой армии офицерские должности, имели среднее образование (весьма неплохое по меркам эпохи). Но в сравнении с Омском доля бывших офицеров со средним образованием в Тарском уезде (округе) ниже, а лиц, окончивших вузы, не было вовсе.

Таблица 3

Образовательный ценз бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Армейская служебная категория	Тип образования				ВСЕГО
	низшее	домашнее	среднее	военное	
	Количество, чел.				
Штаб-офицеры	–	–	2	1	3
Обер-офицеры	12	1	6	1	20
Юнкеры	–	–	3	–	3
Зауряд-прапорщики	–	1	–	–	1
Чиновники военного времени	9	1	1	–	11
ИТОГО	21	3	12	2	38

Ключевая составляющая профессии военного – боевой опыт. Данные, полученные по бывшим офицерам, проживавшим в 1920-е гг. в Тарском уезде (округе) (см. табл. 4), коррелируют со статистикой Омска. Так, шестеро (15,7 %) получили боевое крещение до 1914 г., двое – участвуя в походе в Китай (1900–1901), остальные – в период Русско-японской войны (1904–1905) (четверо – нижними чинами, двое – офицерами). Большая часть изучаемых лиц (30 чел. – 79 %) участвовали в Первой мировой войне, а значительная часть – в Гражданской. Но собственно «белыми» – служившими в антибольшевистских вооруженных формированиях – были 33 чел. (87 %), все они – колчаковцы. Небольшое количество комбатантов (5 чел. – 13 %) в годы братоубийственного противостояния не оказались в рядах белой армии, вдвое большее количество этих людей не служило и в РККА (10 чел. – 26 %).

Показательно, что 10 чел. (26 %) имели награды (ордена), причем 8 чел. награждались повторно. В большей части ордена были получены за боевые заслуги, о чем указывает статут и порядок получения наград. Пять комбатантов были Георгиевскими кавалерами, получившими эти награды, очевидно, за службу еще нижними чинами: прапорщики Н.Д. Анисимов («полный бант»), М.П. Балашенко (ордена 2, 3 и 4-й ст.), зауряд-прапорщик С.А. Волков (ордена 3 и 4-й ст.), подпоручик Г.С. Фатюгов и поручик А.О. Жирнов (орден 4-й ст.). Ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами за Первую мировую войну имели полковник П.И. Лепко и поручик А.А. Кондрашов.

По анализируемым формализованным источникам не всегда ясно, почему в годы Гражданской войны при острой востребованности командно-административных кадров во всех противоборствовавших армиях комбатанты несли службу на нестроевых должностях или вовсе не продолжали ее. Можно лишь полагать причины сознательного укрывательства от мобилизации: психологическая «усталость» от войны, аполитичность, состояние здоровья. Последнее вероятно в отношении обер-офицеров А.А. Кондрашова и Н.Д. Анисимова – инвалидов «Великой» войны.

Любопытны и иные характеристики комбатантов. Как и в случае с анализом омских данных, обращение к тарским документам показывает, что большая часть бывших офицеров на первую половину 1920-х гг. были людьми зрелых лет (19 чел., или 50 %), армейская служба и участие в войнах пришлись в их судьбах на еще более ранний возраст. За годы военной службы 11 комбатантов (29 %) получили ранения. А уже в первые послевоенные

годы 20 чел. (53 %) отмечали проблемы со здоровьем (см. табл. 5), что усложняло трудовую адаптацию, ухудшая качество жизни. К социальным причинам, усугублявшим ситуацию со здоровьем этих лиц вдобавок к фронтовым ранам и болезням, можно указать негативные приметы времени – продолжавшиеся эпидемии, отсутствие своевременной медицинской помощи и должного лечения, плохое питание, скудный провинциальный быт.

Поиски себя в условиях большевистского государства и общества стало ключевой задачей комбатантов, массово увольняемых из РККА в период окончания в стране полномасштабной Гражданской войны. События 1914–1922 гг. в значительной степени изменили социальный облик тех, кого в Советской России обозначали маркером «бывший (белый) офицер». Анализируя ситуацию в Омске, в 1920-е гг. мы наблюдаем среди бывших офицеров снижение доли занятых в крестьянском труде и заметный прирост служащих, рабочих и преподавателей (см. табл. 6). В Тарском уезде (округе) комбатантов, занимавшихся крестьянским трудом, стало в два раза больше (хотя количественно эта цифра была весьма мала – 4 чел. – 10,5 %). Доля служащих выросла незначительно. Условно каждый пятый из 38 чел. на 1924 г. не имел работы; при этом в Таре логично нет лиц, получавших тогда образование (в отличие от Омска, где имелся ряд учебных заведений различного профиля). Показатель незанятых (включая экс-белогвардейцев из числа студентов) в Омске был выше, доходя до 37 %. Такая тенденция объяснялась общими кризисными явлениями нэпа, порождавшими безработицу. Стимулом к ускоренной адаптации в новом обществе логично могло выступать и то, что значительная часть рассматриваемых комбатантов – 33 чел. (87 %) – были людьми молодого или зрелого возраста (см. табл. 5), главами семейств; из всего количества на 1924 г. не был женат лишь один.

Обращает на себя внимание и тот факт, что значительная часть бывших офицеров, живших на 1924 г. в Тарском уезде (24 чел. – 62 %), – уроженцы иных территорий, в результате событий военно-революционного периода оказавшиеся в Западной Сибири. Родившимися в Таре были лишь 6 чел. (16 %) (табл. 7). Лишь 10 чел. (27 %) стали на 1914 г. тарчанами, а четверо (10 %) являлись сельскими жителями прилегающего уезда. Из 37 чел. значительная часть исследуемых лиц (25 чел. – 66 %) выбрали местом своего послевоенного проживания Тару. Согласимся, что в уездном (окружном) центре было меньше возможностей для профессиональной реализации, чем в губернском центре. Но малый город обладал в этом смысле большим потенциалом, чем даже крупное село. Соотнося это с данными о сословном происхождении комбатантов (см. табл. 1), можно сделать вывод о переходе в 1920-е гг. части бывших крестьян (и по происхождению, и по роду деятельности), служивших офицерами в годы Первой мировой и Гражданской войн, в категорию городских жителей, занятых конторским трудом. Это коррелирует с аналогичными сведениями в отношении таких же комбатантов-омичей.

Таблица 4

Боевой опыт, наличие ранений и наград бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Армейская служебная категория	Боевой опыт								Наличие		ВСЕГО
	Поход в Китай	Русско-японская война	Первая мировая война	Гражданская война в России		Неслужили		ранений	наград		
				в белой армии	в РККА	в белой армии	в РККА				
Количество, чел.											
Штаб-офицеры	–	2	3	2	2	1	–	2	3	3	
Обер-офицеры	1	1	19	18	10	2	10	8	6	20	

Окончание табл. 4

Армейская служебная категория	Боевой опыт								Наличие		ВСЕГО
	Поход в Китай	Русско-японская война	Первая мировая война	Гражданская война в России		Неслужили		ранений			
				в белой армии	в РККА	в белой армии	в РККА				
	Количество, чел.										
Юнкеры	–	–	–	3	3	–	–	1	–	3	
Зауряд-прапорщики	1	1	1	–	1	–	–	–	1	1	
Чиновники военного времени	–	2	7	10	9	2	1	–	–	11	
ИТОГО	2	6	30	33	25	5	11	11	10	38	

Таблица 5

Возрастные группы и состояние здоровья бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Возраст, лет	Всего	Имели ранения	Отмечали проблемы со здоровьем
	Количество, чел.		
21–30	7	3	3
31–40	19	7	11
41–50	7	1	2
51–60	5	–	4
ИТОГО	38	11	20

Таблица 6

Трудовая занятость бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Место проживания	Род занятий												ВСЕГО, чел.	
	крестьяне		служащие		учителя		военные		учащиеся		безработные			
	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924
Тара	–	1	9	16	–	3	–	–	1	–	–	5	10	25
Тарский уезд	1	3	2	6	–	2	–	–	–	–	–	2	3	13
Иные территории	1	–	9	–	5	–	6	–	4	–	–	–	25	–
ИТОГО, чел.	2	4	20	22	5	5	6	–	5	–	–	7	38	38

К 1922 г. бывшие офицеры были в административном составе практически всех ключевых советских учреждений Тары и прилегавшего уезда; одна из сводок уездного военкомата приводит сведения о 25 подобных персоналиях. Здесь обращает на себя внимание Тарский уездный земельный отдел. При численности штата 50 чел. (мужчин 43, женщин 6, подросток 1) на весну 1922 г. должности квалифицированных сотрудников (агрономов) здесь занимали 6 бывших офицеров, заведовал учреждением А.В. Бронников (в прошлом поручик

белой армии)²⁵. Шестеро таких комбатантов работали в Тарском уездном отделе народного образования, четверо – в уездном военкомате²⁶.

Таблица 7

Национальная самоидентификация бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Уроженцы	Национальность	ВСЕГО, чел.
Тары	Русские	5
	Поляки	1
Тарского уезда	Русские	7
Иных территорий	Русские	22
	Украинцы	2
	Латыши	1
ИТОГО, чел.		38

Прапорщик Ф.И. Дзенс на 1925 г., состоявший Тарским уездным агрономом, отметился как лектор открывшихся тогда в Таре учительских курсов²⁷. Но среди знаменитых комбатантов, носивших в эпоху революции погону офицера, а в 1920-е гг. связанных с Тарским уездом (округом), особо выделяется дезертировавший из белой армии близ Тары бывший подпоручик А.В. Ваганов (1892–1978)²⁸. Он начал свой трудовой путь в Советской России по довоенной профессии педагога, став видным деятелем музейного дела, активным участником сохранения культурного наследия и организатором краеведческого движения. Его имя получила научно-практическая конференция, проводящаяся в Таре с 2002 г.²⁹ Хотя жизненный путь этого деятеля обстоятельно изучен, но именно в части его биографии периода 1916–1919 гг. есть очевидная лакуна.

Русская революция обнажила национальный вопрос. Коммунистическое государство с первых лет своего существования взяло курс на создание новой нации³⁰, венцом которой стал «человек советский»³¹. Но весь период РСФСР–СССР неотъемлемой частью анкет был вопрос о национальной принадлежности. В изученных источниках в отношении комбатантов-офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе), видится, что в абсолютном большинстве (см. табл. 7) они идентифицировали себя как русские (33 чел., 87 %; из них двое указали себя как «великорус»). Присутствие тех, кто, согласно анкетам, позиционировал себя как представителей иных народов, было единично: два украинца (один из них указал себя как «малоросс»), поляк и латыш. Это соотносится и с приведенной нами ранее характеристикой национального состава населения, и с данными подобного рода по Омску³². В начале 1920-х гг. большевистская власть предоставила возможность возвращения на этническую родину комбатантам с несоветским гражданством. Такие экс-белогвардейцы не подлежали особому учету как прочие бывшие офицеры и чиновники армии, часть их возбуждала ходатайства об оптации. Из тарских комбатантов прошения летом 1921 г. подали А.А. Аудзе

²⁵ ТФ ГИАОО. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 37А. Л. 2, 22, 44.

²⁶ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 298.

²⁷ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 6. Д. 33. Л. 81.

²⁸ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 2. Д. 938Г. Л. 9 об.

²⁹ Энциклопедия омского краеведения. Омск, 2023. С. 65–68.

³⁰ Нехаев А.В. Революция 1917 года в России: поражение «нации» или победа «народа»? // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 6–8.

³¹ См. подробнее: Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra. Екатеринбург, 2021.

³² См. подробнее: Петин Д.И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64.

и Ф.И. Дзенс (этнические латыши)³³. Первый, очевидно, выехал; последний возможностью выезда, видимо, не воспользовался.

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР произошло окончательное оформление политической культуры нового государства. Следствием ужесточения общественно-политической жизни стали массовые кампании по лишению «бывших людей» избирательных прав и политизированные кадровые чистки, проводившиеся с опорой на ОГПУ и партийные структуры³⁴. В Сибири, как и повсеместно, одной из категорий лишенцев становились бывшие белые³⁵. Еще летом 1921 г., увольняясь из РККА, бывший капитан А.Е. Бурдуков – один из живших в начале 1920-х гг. Таре комбатантов – показательно подчеркнул в автобиографии: «звание офицера хуже клейма каторги»³⁶.

Любопытно, что участниками общественно-политической жизни отдельные рассматриваемые комбатанты стали в период Гражданской войны – 13 чел. (35 %) (см. табл. 8). По политическим мотивам некоторые из них даже подвергались преследованиям со стороны белых властей, но смогли миновать трагической участи. Так, чиновник военного времени Ф.В. Верещагин был социал-демократом до 1917 г., за что арестовывался в 1918 г. в белой Сибири. Георгиевский кавалер С.А. Волков был выпорот колчаковцами (деяние вопиющее: обладатели данных наград еще с 1808 г. не подлежали телесным наказаниям). Под военно-полевым судом белых состояли: упомянутый Верещагин, подпоручик С.С. Иванов (отпущен из тюрьмы под ручательство), чиновник военного времени Ф.С. Палкин (приговорен к расстрелу, бежал) и подпоручик Г.И. Шукшин.

В ином политическом лагере на завершающем этапе Гражданской войны в 1920 г. с формулировкой «за службу белым» задержанию подверглись юнкер П.И. Зенчак, полковник П.И. Лепко и поручик Н.Н. Разумов (вскоре амнистированы).

В 1925–1931 гг. 12 из 38 комбатантов стали лишенцами, подверглись кадровым чисткам. Интересна картина на 1925 г.: лишенными избирательных прав по Таре оказались четыре бывших офицера – Н.Д. Анисимов, С.Г. Суханов, И.А. Шабалин, О.П. Явщиц. Только последний из них не смог восстановить статус, остальные в том же году вновь обрели права. Причем Явщиц был единственным бывшим офицером в списке 199 лишенцев-тарчан, кому отказали в ходатайстве³⁷.

Таблица 8

Сведения о политическом преследовании бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Мера преследования		ВСЕГО, чел.
Арестовывались, осуждались в период Гражданской войны		13
Лишались избирательных прав		12
Осуждены после Гражданской войны	к высылке	2
	к заключению	3
	к ВМН	13
	дело прекращено	2

Дальнейшая судьба этих людей (в том числе преследования по политическим мотивам) выходит за хронологию исследования. Очертим ситуацию лишь в общем плане. Но обращение к беглому обзору дает понимание политики советского государства

³³ ТФ ГИАОО. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 37А. Л. 2.

³⁴ См. подробнее: *Анфертьев И.А.* Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

³⁵ *Саламатова М.С.* «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.

³⁶ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 2. Д. 938В. Т. 2. Л. 344 об.

³⁷ ТФ ГИАОО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.

в отношении данной категории «бывших людей» (см. табл. 8). В 1930–1938 гг. из рассматриваемой группы лиц жертвами массовых политических репрессий стали 19 чел. Причем часть из них тогда уже проживала на других территориях Сибири. Расстреляли из них 13 чел.: в 1933 г. – Ф.И. Дзенса и П.И. Зенчака; в 1937 г. – А.В. Бронникова, А.А. Кондрашова, И.Г. Ханова, Н.Д. Анисимова, А.Д. Вознесенского, Р.Я. Салангина, Е.Д. Теплякова, Н.А. Волохова, И.А. Конькова, М.К. Чумакина; в 1938 г. – В.С. Глебова и М.И. Носкова. Список репрессированных бывших офицеров может быть дополнен теми именами, данные о ком неполны: М.Т. Горшенин (расстрелян в 1937 г.), В.В. Коноплин-Курский (арестован в 1930 г., дело прекращено в 1931 г.), Г.П. Никольский (осужден в 1931 г. к 10 годам ИТЛ), А.В. Ваганов (арестован в 1937 г., дело прекращено в 1939 г.)³⁸.

В видении советских спецслужб Тара и прилегавший к нему уезд (округ, а затем район) априорно оценивались как «насыщенные контрреволюционным элементом» после окончания Гражданской войны³⁹. Известно, что на 1 июня 1949 г. в Тарском районе жили как минимум два бывших чиновника военного времени белой армии, состоявшие на учете в органах МГБ (Г.Ф. Зенченко и Г.К. Меньшенин)⁴⁰.

Выводы и дискуссия. Обращение к ситуации в провинции показывает, что поствоенное офицерство, по своему социальному происхождению далеко не всегда имевшее отношение к привилегированным до революции слоям, в меньшей степени соотносилось с теми, кого советская власть называла «бывшими людьми». По происхождению и характеру довоенных занятий это были крестьяне или мелкие служащие, реже учителя. Формальное обретение в военно-революционную эпоху статуса офицера превращало в СССР этих комбатантов в «полновесных» потенциальных контрреволюционеров, несмотря на их честную службу коммунистическому государству.

Исследование позволяет судить о том, что относительно представителей бывшего офицерства уездный (окружной) город Тара напоминал Омск, но в сильном уменьшении. Жившие в 1920-е гг. в Тарском уезде (округе) бывшие офицеры и военные чиновники, имея в большей степени низшее или домашнее образование, получили чин в условиях Первой мировой войны, их производство в следующие ранги (в том числе в белой армии) не было значительным либо не имело места вовсе. Заметная доля комбатантов получила фронтовые ранения, была отмечена боевыми наградами. Отличительная особенность награждений, связанная со служебным статусом награждаемых, – вручение им преимущественно орденов. Получение нижними чинами георгиевских наград могло открыть путь к производству в офицеры (о чем говорит статут награды и невысокие последние чины комбатантов). Опыт военной службы и участие в боевых действиях в судьбах комбатантов-тарчан во много связаны с «Великой» войной. Но значительная их часть стала участниками братоубийственного противостояния, уклонились от военной службы тогда весьма немногие.

Обстоятельства эпохи привели к массовым перемещениям населения (осозанным, случайным), особо это коснулось лиц, связанных с военной службой. Так, большая часть бывших офицеров, живших в 1920-е гг. в Тарском уезде (округе), были уроженцами иных территорий. Стабилизация политической обстановки в 1920-е гг. заставила бывших офицеров обретать себя в реалиях нового общества. Как и в крупных административных центрах, востребованной формулой, обеспечивавшей социальную стабильность, было возвращение к квалифицированному труду и довоенной профессии. Опора на образовательный ценз и опыт службы, стремление доказать новой власти свою полезность превращали этих людей в условиях дефицита образованных кадров в заметных участников профессиональной и общественной жизни. Условно две трети комбатантов стремились найти себя в условиях Тары – пусть малого, но города; это закономерно связывалось с большим числом возможностей для трудоустройства и служебного роста. Но соразмерно этим

³⁸ См. подробнее: Открытый список [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 21.05.2024).

³⁹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 562. Л. 41 об.

⁴⁰ Там же. Д. 296. Л. 25, 27.

потенциалам количество общественно значимых, ярких фигур в условиях малого города сводится к отдельным примерам. Это можно отчасти увязать и с отсутствием среди анализируемой группы лиц с высшим образованием.

Но бывших офицеров всюду «сопровождала» их принадлежность к «старому миру», подавая обществу «упредительный сигнал». Изучаемые комбатанты в заметной части своей стали в 1930-е гг. жертвами массовых политических репрессий.

Обращение к формализованным источникам дает возможность пусть иногда и в общих чертах, но обоснованно выделять ключевые характеристики, которые позволяют судить о социальных процессах в масштабе макрорегиона и страны, влиянии на эти явления условий государственно-политической нестабильности.

Литература

Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3, Ч. 1. С. 57–65.

Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начала XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. 279 с.

Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». – Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.

Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. 332 с.

Анфертьев И.А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.

Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. 336 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. М.: РОССПЭН, 2007. 328 с.

Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.

Гребенкин А.Н. Освещение жизни Тюмени в годы Гражданской войны в мемуарах педагога и библиотекаря Н.Н. Полянской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18–19 октября 2023 г.). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 59–65.

Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 734 с.

Кискидосова Т.А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск: Офсет, 2023. 432 с.

Курдюк А.А. «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. 2008. № 3. С. 159–168.

Нехаев А.В. Революция 1917 года в России: поражение «нации» или победа «народа»? // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 6–8.

Петин Д.И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64.

Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392.

Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134.

Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.

Сенявская Е.С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М.: Литрес, 2019. 712 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137.

Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуляряна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В.М. Амиров, А.В. Антошин, В.И. Бортников и др.; под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: УрФУ, 2021. 412 с.

Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.

Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 92–93.

Энциклопедия омского краеведения / гл. ред. П.П. Вибге; отв. ред. О.Г. Беляева и др.; редкол. Ю.В. Трофимов и др. Омск: ОГИКМ, 2023. 352 с.

References

Abinyakin, R.M. (2010). Byvshie ofitsery v voennykh komissariatakh Orlovskoy gubernii v 1919–1923 gg. [The Former Officers in Recruitment Offices of the Province of Oryol in 1919–1923]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 1, No. 3, pp. 57–65.

Aksenova, A.V., Gonina, N.V. (2017). Yeniseysk v posledney treti XIX – nachala XX veka. Ocherki sotsiokul'turnogo razvitiya provintsial'nogo goroda [Yeniseisk in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries. Essays on the Sociocultural Development of a Provincial Town]. Krasnoyarsk, KSAU. 279 p.

Alekseeva, O.A., Zhuravlev, Ye.N., Sushko, A.V. (2018). Retsenziya: “Belye ofitsery – krasnaya vlast’”: imennoy ukazatel’ k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. – 1920-e gg.)” – Omsk, “Amfora”, 2017 [Review: “White Officers – Red Power”: A Name Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919 – 1920s) – Omsk, Amphora, 2017]. In *Severnaya Arkhiv i Ekspeditsii*. Vol. 2, No. 3, pp. 44–55.

Alisov, D.A., Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R., Matveev, A.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhonov, S.S., Tikhomirov, K.N., Tikhomirova, M.N. (2014). *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th–19th Centuries – a Russian Aortress on the Banks of the Irtysh]. Omsk, Amphora. 332 p.

Anfert'ev, I.A. (2016). Politicheskiy i administrativnyy resurs pravyashchey RKP(b)–VKP(b): poisk modeli sotsial'nogo gosudarstva v 1920–1930-kh gg. [Political and Administrative Resource of the Ruling RCP(b)–VKP(b): Search for a Model of the Welfare State in the 1920s–1930s]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 197–224.

Budberg, A.P. (2001). *Dnevnik belogvardeytsa: Vospominaniya*. Memuary [Diary of a White Guard: Memoirs. Memoirs]. Minsk, Harvest, Moscow, AST. 336 p.

Matveeva, Yu.V., Rusina, Yu.A. (Eds.). (2021). *Chelovek sovetskiy: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra* [Soviet Man: Pros and Cons = Homo Sovieticus: Pro et Contra]. Yekaterinburg, UrSU. 412 p.

Chenskaya T.V. (2016). Byvshie belye ofitsery, sostoyashchie na osobom uchete v Orlovskom gubernskom otdelenii OGPU [The Former White Officers Being on the Special Account in the Orel Provincial Office of OGPU]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nyye nauki*. No. 2, pp. 58–61.

Vibe, P.P., Belyaeva, O.G., Trofimov, Yu.V. (Eds.). (2023). *Entsiklopediya omskogo krayevedeniya* [Encyclopedia of Omsk Local History]. Omsk. 352 p.

Gagkuev, R.G. (2024). “Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoj vojne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' ch'yu-to storonu...” [“Today We Need to Talk about the Civil War With Restraint, Without the Desire to Take Anyone's Side...”]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 1, pp. 6–12.

Grebenkin, A.N. (2023). Osveshchenie zhizni Tyumeni v gody Grazhdanskoj vojny v memuarakh pedagoga i bibliotekarya N.N. Polyanskoy [Coverage of the Life of Tyumen during the Civil War in the Memoirs of Teacher and Librarian N.N. Polyanskaya]. In *Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie*. Omsk, OmGTU, pp. 59–65.

Kiskidosova, T.A. (2023). Goroda Yeniseyskoj gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v (po materialam sibirskikh gazet) [Cities of the Yenisei Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from Siberian Newspapers)]. Krasnoyarsk, Ofset. 432 p.

Kurdyuk, A.A. (2008). “Leitenanty” Pervoy mirovoj, ili o putyakh proizvodstva v ofitsery, primenyavshikhsya v russkoj armii s sentyabrya 1914 g. po noyabr' 1917 g. [“Lieutenants” of the First World War, or on the Ways of Commissioning as Officers Used in the Russian Army from September 1914 to November 1917]. In *Vestnik Voennogo universiteta*. No. 3, pp. 159–168.

Nekhaev, A.V. (2017). Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: porazhenie “natsii” ili pobeda “naroda”? [The Revolution of 1917 in Russia: The Defeat of the “Nation” or the Victory of the “People”?]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 2, pp. 6–8.

Petin, D.I. (2024). Kollektivnyy portret byvshikh belogvardeytssev, repressirovannykh v Omske po delu “organizatsii Artamonova” v 1937 g. [A Collective Portrait of the Ex-White Guards Repressed in Omsk in the Case of the “Artamonov's Organization” in 1937]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 1, pp. 54–64.

Petin, D.I., Stel'mak, M.M. (2020). Kadrovyy sostav Omskogo okruzhnogo finansovogo otdela: istochnikovedcheskiy analiz i statistika. Avgust 1927 g. [Personnel of the Omsk District Financial Department: Source Analysis and Statistics. August 1927]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 380–392.

Petin, D.I., Stelmak, M.M., Sushko, A.V. (2020). “Zolotopogonniki” v sovetskoj Rossii: kollektivnyy sotsial'nyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska) [“Gold chasers” in Soviet Russia: A Collective Social Portrait of Former White Officers in the 1920s (On the Example of Omsk)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 467, pp. 165–175.

Puchenkov, A.S. (2023). Omskie Forsaity i “Dom Kolchaka” [Omsk Foresights and Kolchak’s House]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 205–208.

Sablin, A.Yu. (2022). Adaptatsiya yunkerov-krest’yan k usloviyam gorodskoy sredy v gody Pervoy mirovoy voyny (po tipu Omska) [Adaptation of Cadets-Peasants to Conditions of Urban Environment during the First World War (On the Example of Omsk)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’*. Vol. 7, No. 3, pp. 128–134.

Salamatova, M.S. (2015). “Luchshe by rasstrelyali menya srazu...”: sud’by ofitserov belykh armiy v Sibirskom kraye (1921–1929 gg.) [“It Would Have Been Better if They Shot Me Right Away...”: The Fate of the Officers of White Armies in Siberian Region (1921–1929)]. In *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. No. XVII, pp. 214–228.

Senyavskaya, E.S. (2018). Chelovek na voynе, ili ternistyy put’ ot voennoy istorii k voennoy antropologii [Man at War. The Thorny Path from Military History to Military Anthropology]. In *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 24, pp. 10–43.

Shishkin, V.I., Savin, A.I. (2014). Sotsial’naya mobil’nost’ v Rossii v epokhu voyn, revolyutsiy i radikal’nykh transformatsiy pervoy poloviny XX v.: osnovnye napravleniya i rezul’taty izucheniya [Social Mobility in Russia during the Wars, Revolutions, and Radical Transformations of the First Half of the 20th Century: Discourses and Research Results]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 92–93.

Smirnov, S.V. (2019). *Dal’nevostochnyy tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940–kh gg.)* [Far Eastern Impasse: Russian Military Emigration in China (1920 – Late 1940s)]. Moscow, Litres. 712 p.

Smirnova, T.M. (2003). “Byvshye lyudi” Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg. [“Former People” of Soviet Russia. Survival Strategies and Ways to Integrate, 1917–1936]. Moscow. 296 p.

Sushko, A.V. (2023). Regional’noe izmerenie istorii organami GPU–OGPU: k analizu monografii A.B. Gularyana i A.Yu. Sarana [Regional Dimension of History of Organs of GPU–OGPU: To the Analysis of Monograph by A.B. Gularyan and A.Yu. Saran]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’*. Vol. 8, No. 1, pp. 83–89.

Sushko, A.V. (2022). Antisovetskie organizatsii i gruppy v Omskom okruge v 1927 g.: soobshchenie Omskogo okruzhnogo otdela OGPU mestnomu partiynomu rukovodstvu [Anti-Soviet Organizations and Groups in the Omsk Region in 1927: Report of the Omsk Regional OGPU Department to Local Party Leadership]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 1125–1137.

Volkov, Ye.V. (2001). *Kolchakovskie ofitsery: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Kolchak Officers: Experience of Historical Research]. Chelyabinsk, SUSU. 336 p.

Zhiromskaya, V.B., Polyakov, Yu.A. (Comp.). (2007). *Vsesoyuznaya perepis’ naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi. Dokumenty i materialy* [All-Union Population Census of 1937: General Results. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 320 p.

Yermolaev, A.N. (2008). *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [District Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 734 p.